

2. Хлодовский, Р. Гиперболы и параболы печального Дино Буццати / Р. Хлодовский // Буццати, Д. Татарская пустыня: роман ; пер. с итал., сост. и авт. предисл. Р. Хлодовский. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – С. 5–28.
3. Buzzati, D. Bosch: il maestro del Giudizio Universale / D. Buzzati. – Rizzoli : Classici dell'arte, 1966. – P. 103–115.
4. Translating Dino Buzzati: A Conversation with Marina Harss [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wordswithoutborders.org/article/translating-dino-buzzati-a-conversation-with-marina-harss>. – Дата доступа: 09.09.2021.

ШИРОКОЗНАЧНЫЕ ДЕСТРУКТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

В. Д. Стариченок (Минск, Беларусь)

Рассматриваются деструктивные глагольные единицы, характеризующиеся широким смысловым объемом. На примере широкой семантической парадигмы белорусского глагола **біць**, которая включает около 30 лексико-семантических вариантов, выявляется характер взаимосвязи между различными тематическими группами. Устанавливаются одиннадцать смысловых центров этого глагола, в которых отражаются деструктивные, водные, звуковые, метеорологические, анимистические и другие параметры широкого акционального континуума.

Ключевые слова: белорусский язык; глагол; семантика; семантическая парадигма; лексико-семантический вариант; деструктивные номинации.

В лингвистической литературе второй половины XX ст. стала активно обсуждаться проблема широкозначности (эврисемии) как особой лексико-семантической категории. Широкозначные лексические единицы (в другой терминологии – слова широкой семантики, слова с широким значением, слова с широкой понятийной основой, диффузные слова) отражают объективную действительность в максимально обобщенном виде, характеризуются широкой денотативной и понятийной соотнесенностью. Характерными признаками широкой семантики являются синкретизм смысловой структуры, чаще всего связанный с неразложимостью значений, полиденотативность (способность обозначать большое количество неоднородных предметов и явлений), синсемантизм (способность выражать значение непосредственно в контексте), полифункциональность (возможность выступать как в лексической, так и грамматической функциях), широкая лексическая сочетаемость, высокая частотность употребления.

Определение широкозначности как разновидности полисемии высокой степени обобщения по-разному трактуется в научной литературе. Чаще всего дифференцируются два взаимосвязанных аспекта широкозначности: а) **количественный** аспект: наличие большого числа ЛСВ, широко (максимально) развитая многозначность; б) **семантический** аспект: обобщенный характер семантики, широкая референция, зависимость значения от контекста, отсутствие четкой дифференциации между значениями и оттенками.

Вопрос о широкозначности лексических единиц тесно связан с количественными показателями смысловых структур слов. Решение вопросов о количестве ЛСВ, их группировках и объединениях в смысловые центры (зоны) вызывает ряд сложностей, которые обусловлены дискуссионностью ряда общих проблем теории многозначности (соотношение многозначных слов и омонимов, дифференциация отмеченного специальным номером значения и оттенка значения, принципы подачи материалов в лексикографических источниках и др.). Количество ЛСВ считается показателем принадлежности слова к той или иной зоне многозначности, однако до настоящего времени не существует ни единого термина для обозначения каждой зоны, ни единого мнения о количестве значений, определяющем границы разных зон [2, с. 255–256]. Так, в докторской диссертации И. Г. Ольшанского на материале немецкого языка выделяется три зоны полисемии: активная (2–3 значения), продуктивная (4–10 значений) и насыщенная (более 10 значений) [3]. Л. М. Попкова рассматривает зоны малой глубины полисемии (2 значения), средней глубины (от 3 до 7 значений) и большой глубины (более 7 значений) [4]. Подобные классификация зон полисемии используются в работах А. А. Кретьова, В. К. Харченко, Е. А. Чудиновой [1; 5; 6]. Некоторые исследователи предлагают выделить приграничные зоны, где встречаются слова, нетипичные для зоны широко развитой многозначности, а также зоны уникальной развитой многозначности, где у слов фиксируется более полутора десятков значений [2, с. 258–260].

Авторы монографии «Многозначность в лексике современного русского языка» провели подсчеты широкозначных слов, засвидетельствованных в Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой. Выявлено 1128 слов с семью и более значениями, среди которых глаголы составили группу с 619 лексическими единицами [2, с. 260–265].

Широкозначные слова несмотря на их малочисленность, выполняют важную роль в функционировании языка. В толковом словаре белорусского языка насчитывается более 600 широкозначных глаголов, среди которых лидируют глаголы движения и перемещения в пространстве. В число активно употребляемых включаются и деструктивные глаголы со значением физического воздействия, направленного на объект, в результате которого он полностью разрушается, уничтожается или изменяется (нарушается) его структурная целостность на макро- или микроуровне. В группу широкозначных деструктивных номинаций включаются глаголы *біць* (около 30 ЛСВ и оттенков), *ударыць* (около 20 ЛСВ и оттенков), *гарэць* (более 15 ЛСВ и оттенков), *ціснуць* (более 10 ЛСВ и оттенков), *рзаць* (около 10 ЛСВ и оттенков) и др. Глаголы деструктивной семантики характеризуются широкой денотативной и понятийной соотнесенностью, что позволяет им экстраполировать часть своей семантики на другие тематические группы. Существует яркая проекция первичных деструктивных ЛСВ в метафорическую концептуальную сферу,

которая отражает социальные, экзистенциальные, эмоционально-психологические, физические, физиологические, метеорологические, звуковые, световые и другие явления. В деструктивных глаголах производные ЛСВ могут объединяться в смысловые центры (зоны), образуя сложные иерархические структуры. Проиллюстрируем специфику глагольной широкозначности на примере смысловой структуры белорусского глагола *біць*.

В толковом словаре белорусского языка фиксируется около 30 ЛСВ и оттенков глагола *біць*, которые группируются в 11 семантических центров, по-разному связанных между собой.

Первый центр традиционно сочетает в себе первичные ЛСВ 'ударить кого-либо, чтобы причинить боль', 'истребить, убить, победить' (*біць па твары, біць жонку, біць дзікага звера, біць да смерці, біць фашыстаў да самай перамогі*).

Второй семантический центр объединяет акциональные ЛСВ с самыми разнообразными регистрами (часто специализированными и терминологическими): а) 'стрелять, обстрелять' (*біць па ворагу, біць простаі наводкай, біць трасёрамі*); б) 'стучать, ударять' (*біць па мячы, біць па каменнай сцяне кулакамі, конь капытом б'е зямлю*); в) 'вбивать, загонять' (*біць палі ў рачное дно*); г) 'пробивать, сверлить, копать' (*біць дынамітам штольнію, біць студню на сядзібе*); д) 'разбить на более мелкие части' (*біць калоду, біць цэглу*); е) 'производить определенным образом' (*біць масла, біць валёнкі*); ж) 'взять фигуру соперника в игре в шахматы, шашки, выиграть' (*біць хліпкую пешку, біць козырам*); з) 'в спортивных играх ударить во что-либо, попытаться попасть' (*біць па варотах*). Общая сема 'нарушить целостность чего-либо, привести к ненадлежащему состоянию, испортить' объединяет ЛСВ третьего центра: *Чаго ты посуд б'еш?* (П. Бровка); *Ганчар лепіць гаршкі і гладышкі і сам лёгка б'е і коле іх* (В. Казько).

Квантитативная сема 'течь быстрым потоком, литься с силой' объединяет ЛСВ «водного» центра: *Тут б'е крыніца, якая дае вечную маладосць* (А. Якимович); *З-пад зямлі біў фантан, вадой затаніла дамы* (А. Василевский); *З крана б'е вада* (В. Гарбук).

Пятый семантический центр объединяет аудильные ЛСВ, обозначающие различные звуки, создателями которых являются музыкальные инструменты, часы, куранты, колокольчики и другие предметы и артефакты. Акцент в этих значениях делается на факте повторяемости и множественности однотипных действий (*б'е гадзіннік, б'юць куранты, б'е бубен, б'юць барабаны*).

Квантитативная сема 'порывистость, импульсивность, мощность' актуализируется во вторичных ЛСВ шестого семантического центра, семантика которого ориентируется на характер обнаружения метеорологических и природных явлений (ветер, снег, дождь и др.): *вецер біў па твары, вецер біў у шыбы, у вокны б'е дождж, хвалі білі ў бераг*.

В седьмом – одиннадцатом смысловых центрах маркер акциональности приглушается за счет семантики анимистического континуума, который

представляет метафорические ЛСВ, нацеленные на человека, его жизнь, физическое и психическое состояние, отношения в обществе, межличностные отношения. Так, в седьмом центре ЛСВ указывают на негативные явления в обществе и борьбу с ними: *Верш Янкі Купалы прагрымеў, як выбух, ён біў па ўсёй плошчы рэакцыянераў* (А. Лойко); *Але май на ўвазе: дэмагогаў трэба біць фактамі!* (И. Дубровский).

Примета ритмичного движения, пульсации объединяет ЛСВ восьмого центра, которые характеризуют волнообразное ритмическое движение крови из человеческого сердца: *Б'е сэрца несціхана* (П. Бровка); *Сэрца моцна біла ў грудзях* (В. Домашевич); *Кроў б'е ў скроні* (К. Акула).

В девятом смысловом центре переносные ЛСВ указывают на болезненное состояние человека, его предрасположенность к заболеванию, которое проявляется в ознобе, резких мышечных сокращениях (*біў кашаль, б'е ліхаманка*).

Сема 'резкость', 'быстрота', 'внезапность' выявляется у вторичных ЛСВ десятого центра, которые раскрывают характер воздействия на человека света, запахов, тепла и т. п. (*святло б'е ў вочы, снап святла б'е ў твар, пыль гарачага паветра біла ў твар, у нос б'е едкі кіслы тытунь*).

Одиннадцатый семантический центр объединяет ЛСВ ментальной и эмоциональной сфер, которые характеризуются разной коннотацией. Чаще всего актуализируется уничижительный оттенок с маркерами 'неприятность', 'переживание': *Нават самыя збітыя газетныя выразы моцна білі, як камяні* (И. Шамякин); *Створаны ўсе ўмовы, каб біць па самаацэнцы Фёдара* (Л. Мирзоянова). Сюда также включаются ЛСВ с отрицательной семой 'чувство тревоги, мести': *Маўчалі людзі хмурыя, а помста біла з воч* (П. Панченко); *Снег, мёртвая чорная вада, ад аднаго позірку на якую б'е холадам* (В. Короткевич).

Таким образом, в лексическом составе любого языка выявляются слова с максимально широкой семантикой. Несмотря на их небольшой процент от общего количества лексических единиц, такие слова характеризуются глубинным семантическим потенциалом и способностью экстраполировать часть семантики в реципиентную сферу в виде вторичных метафорических ЛСВ. Смысловые структуры белорусских деструктивных номинаций во многом определяются наличием признаков акциональности, множественности и повторяемости, большим числом семантических центров, объединяющих типичные по семантике вторичные ЛСВ.

Семантическую парадигму белорусского глагола *біць* образуют около 30 ЛСВ и оттенков, которые объединяются в 11 смысловых центров. Первый, второй и третий центры этого глагола организованы на базе общей семы 'действия деструктивного характера', четвертый центр представлен водными ЛСВ, в пятом центре размещаются ЛСВ звукового типа, в шестом центре отражается квантитативная сема метеорологических и природных явлений.

Метафорические ЛСВ седьмого – одиннадцатого центров носят анимистический характер и направлены на человека, характеристику его физического и психологического состояния.

Библиографический список

1. Кретов, А. Основы лексико-семантической прогностики / А. А. Кретов. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2006. – 390 с.
2. Многозначность в лексике современного русского языка / под ред. А. П. Чудинова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1999. – 446 с.
3. Ольшанский, И. Г. Лексическая полисемия в современном немецком языке (системные, коммуникативные и лексикографические аспекты) : автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / И. Г. Ольшанский; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 1991. – 53 с.
4. Попкова, Л. М. Семантическая структура многозначного слова и проблемы регулярной полисемии в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. М. Попкова; Рос. пед. ун-т. – СПб., 1993. – 20 с.
5. Харченко, В. К. Переносные значения слова / В. К. Харченко. – Изд. 2-е. – М. : URSS, 2009. – 195 с.
6. Чудинова, Е. А. Широко развитая многозначность в лексике современного русского языка : Лингвостатистическое исследование по данным лексикографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. А. Чудинова; Урал. ун-т. – Пермь, 1998. – 19 с.

ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ СОБЫТИЙ 2020 ГОДА В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ АВСТРИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

С. М. Степаненко (Витебск, Беларусь)

В статье рассматриваются особенности употребления лексических единиц, относящихся к семантическому полю «коронавирус», в современной австрийской публицистике (на материале газетных публикаций «der Standard»), анализируется семантическое своеобразие лексических новообразований и заимствованных единиц, устанавливается частотность употребления исследуемых лексических номинаций в период март–май 2020 года, определяется их место в лексической системе современного немецкого языка.

Ключевые слова: публицистика; пандемия; новообразование; заимствование; австрийский вариант немецкого языка.

Особый пласт лексики представляет словесное пространство актуальной прессы. Именно этот пласт лексики легко поддается сознательному регулированию и упорядочению, а также наиболее наглядно отражает процесс развития языка во всех сферах жизни. Известно, что именно в этой коммуникативно-речевой сфере язык открыт для разнообразных новообразований, в частности – окказиональных слов.

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей употребления в современной австрийской публицистике лексических еди-